

ВОЗВРАЩАЯСЬ К А.С. ПУШКИНУ

© 2000 г. ЭО, № 2

С.В. Жарникова

ДОРОГАМИ МИФОВ

(А.С. Пушкин и русская народная сказка)

Вечером слушаю сказки – и
вознаграждаю тем недостатки
проклятого своего воспитания.
Что за прелесть эти сказки!
Каждая есть поэма.

А.С. Пушкин

«У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том», – завораживающе звучат первые строки поэмы «Руслан и Людмила», знакомые каждому из нас с детских лет. «И днем, и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом», – продолжает поэт, и, вслушиваясь в музыку пушкинских строк, мы, как правило, не задумываемся: что это за «лукоморье», почему растет там именно «дуб зеленый» и зачем «кот ученый все ходит по цепи кругом»?

Откуда пришли в поэму эти странные образы?

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя:
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кощей над золотом чахнет;
Там русский дух... Там Русью пахнет!!

Перед нами – мир таинственных и прекрасных образов русской народной волшебной сказки, своеобразная перспектива тем и сюжетов, заинтересовавших поэта. В.Я. Пропп отмечал: «До Пушкина сказка принадлежала к наиболее презираемым видам народной поэзии. Частично это презрение проявлялось даже после появления сказок Пушкина... Подлинная народная сказка была введена в литературно-обще-

ственный и научный обиход Пушкиным, который сразу же показал все замечательные художественные качества русской сказки» (курсив мой. — С.Ж)². Уже во введении, внесенном в поэму «Руслан и Людмила» во втором издании в 1828 г., мы встречаем «тридцать витязей прекрасных», которые вместе с их «дядькой морским» «чредой из вод выходят ясных». Через три года, в 1831 г., эти образы вновь оживут в «Сказке о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди»:

...Море вдруг
Всколыхнулося вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет³.

Но это будет потом, а пока молодой Александр Пушкин пишет свою первую сказку-поэму. Сюжет ее строится по следующей схеме: колдун, обладающий сверхъестественной силой и практически неуязвимый ни для какого оружия (кроме особого меча), похищает с брачного ложа красавицу-княжну — жену богатыря князя Руслана. Людмила спасается от своего похитителя в волшебном саду. Руслан после долгих странствий достигает царства Черномора, находящегося за горами на далеком Севере. Он сражается с колдуном, лишает его волшебной силы и находит жену, погруженную в волшебный сон. Затем Руслан проходит через смерть, оживает, уничтожает несметные полчища врагов под стенами Киева и, наконец, прекращает волшебный сон своей супруги.

Задавая себе вопрос о том, что послужило прообразом сюжетной схемы «Руслана и Людмилы», мы невольно останавливаем свое внимание на сюжете древнеиндийского эпоса «Рамаяны». Что же происходит в древнеиндийской эпической поэме? Демон, добившийся от богов почти бессмертия (убить его можно только чудесной стрелой), похищает царевну Ситу — жену богатыря царевича Рамы. Он уносит ее за облака, а затем в свое волшебное царство (на о-в Ланку). Молодая женщина спасается от похитителя в чудесном саду. Муж после долгого странствия приходит в царство демона (ракшаса) Раваны, убивает его и возвращает себе жену. Для того чтобы доказать свою верность мужу, Сита всходит на костер, который не причиняет ей никакого вреда. Герой Рама уничтожает полчища демонов-ракшасов, освобождает от них остров счастья Ланку и возвращается с женой в свое царство.

Один из исследователей и переводчиков на русский язык древнеиндийского эпоса «Махабхарата», в который входит как составная часть «Сказание о Раме», акад. Б.Л. Смирнов отмечал, что «поражает полное совпадение схемы "Сказания о Раме" со схемой "Руслана и Людмилы" Пушкина... Представляло бы большой литературоведческий интерес выяснить, какими путями дошла до Пушкина эта схема»⁴.

Следует заметить, что сходство «Сказания о Раме» и «Руслана и Людмилы» прослеживается не только в общей схеме, но и, что поразительно, в мельчайших деталях. Так, волшебник Финн успокаивает Руслана:

...тебе ужасна
Любовь седого колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной деве не страшна.
Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;
Но против времени закона

Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостных дверей,
Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей⁵.

А вот что сообщает о демоне Раване в «Сказании о Раме» бог Брама: «По моей милости он для всех существ неуязвим был раньше. Злодея по некоей причине известное время терпели; но ради его наказания (было допущено), чтоб он у тебя похитил Ситу; я ее охранял (силой) проклятия... Если к чужой жене, его не желающей, он прикоснется, то, достоверно – его голова на сто кусков разлетится: некогда было такое заклятие»⁶. Таким образом, и Черномор в «Руслане и Людмиле», и Равана в «Сказании о Раме» насильно сделать своими женами прекрасных пленниц не могут.

И Сита, и Людмила ожидают прихода мужей и освобождения среди деревьев прекрасного сада, окружающего как дворец Раваны, так и дворец Черномора. В «Руслане и Людмиле» волшебнику Черномору помогает и призывает его на бой с Русланом ведьма Наина, оскорбленная отказом Финна принять ее любовь. В «Рама-не» демона Равану призывает на бой с Рамой и его братом Лакшманой демоница Шурпанакха (сестра-близнец Раваны), оскорбленная Рамой, отвергшим ее любовь.

Мы знаем, что Руслану в его борьбе с Черномором помогают волшебник Финн и голова брата Черномора, которую злодей отсек волшебным мечом, но сохранил в ней жизненную силу. В «Сказании о Рама» герою также помогает брат ракшаса – мудрый волшебник Вибхишана, причем особо подчеркнем, что сам Равана получил свою почти абсолютную власть только после того, как отсек и принес в жертву одну из своих десяти голов. Вспомним, как в «Руслане и Людмиле» Черномор обманывает Людмилу призраком смертельно раненного Руслана. В «Сказании о Рама» демон Равана также пытается обмануть Ситу, показывая ей якобы отрубленную окровавленную голову Рамы. Кроме того, он создает множество подобий – призраков Рамы, чтобы смутить того во время боя.

Согласно древнеиндийскому эпосу, Рама и его брат Лакшмана были убиты. Настигнутые стрелами, они упали на землю, словно солнце и луна. Но мудрый Вибхишана возвратил к жизни обоих героев и после этого дал им волшебную воду с далекой горы Шветы (Светлой), находящейся на острове в северо-западном Молочном (Белом) море. Промыв ею глаза, Рама обрел дар «видеть любое невидимое существо»⁷. Что же происходит в поэме А.С. Пушкина с убитым Русланом? Мудрый волшебник там также приносит воду из двух ключей, текущих в чудной долине «за дальней цепью диких гор». Вода с дивных гор, как и в «Сказании о Рама», совершает чудо:

И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотою
Процвел...⁸

Отметим также, что судьбы и Рамы, и Руслана в целом одинаковы. Оба героя представляют собой идеал князя – «вождя народа», его защитника, того, кто уничтожает тиранию злых сил, не щадя своей жизни. В самом начале пути Руслан встречает Финна, и волшебник, говоря о Черноморе – символе жестокости, коварства и зла, пророчит князю:

Еще ничей в его обитель
Не проникал донныне взор;
Но ты, злых козней истребитель,
В нее ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей,
Тебе сказать не должен боле:
Судьба твоих грядущих дней,
Мой сын, в твоей отныне воле⁹.

Не рок, а именно решение самого героя определяет его дальнейшую судьбу. Эта мысль является ведущей и в «Сказании о Раме», и в «Руслане и Людмиле». Рама, как и Руслану, предстоит уничтожить тиранию зла в лице Раваны, с которым не могут справиться даже боги, так как он «для всех существ неуязвим» – для всех, кроме человека, готового отдать жизнь в борьбе со злом. Рама должен также, быть может ценой собственной жизни, избавить от злых демонов прекрасный остров Счастья. Но избрать свой путь, принять решение он должен сам. И когда герой побеждает зло, его благодарит все на земле. С неба звучат слова, обращенные к нему: «Ты исполнил великое дело, облеченный божественным светом... Пока стоит земля, миры тебя будут славить»¹⁰.

Практически та же ситуация в «Руслане и Людмиле». Финн, прощаясь с ожившим Русланом, говорит ему:

Судьба свершилась, о мой сын!
Тебя блаженство ожидает;
Тебя зовет кровавый пир;
Твой грозный меч бедою грядет;
На Киев снидет кроткий мир...

.....
Врагов смутит твоё лицо,
Настанет мир, погибнет злоба!¹¹.

Руслан может выбирать, как поступить: или пробраться в осажденный город и разбудить Людмилу, или вступить в смертельную схватку с бесчисленными полчищами врагов и, возможно, умереть, так и не увидав своей восставшей ото сна супруги. Он выбирает второе, как и положено истинному воину-защитнику своей земли. И сделанный им выбор приносит герою славу и любовь, а его народу – мир и покой. Такая же возможность выбора есть и у Рамы: перехитрить войско Раваны и похитить Ситу из его дворца, не вступая в бой, или, несмотря на возможную гибель и Ситы, и Лакшманы, и Рамы, биться со злом до конца. Рама принимает решение. Он говорит брату: «Не за себя и не за Ситу я пришел на эту битву. Надо погасить это страшное пламя зла, выжигающее в душах людей правду и добро. Судьба, которая привела нас сюда, сильнее нашей воли, наших чувств и даже нашей жизни. Отбрось все колебания, иди к воинам! Вызывай врага на бой!»¹². Сделанный Рамой выбор также приносит ему славу и любовь, а народу – мир и покой.

Однако помимо общих черт в сюжетах «Сказания о Раме» и «Руслана и Людмилы» есть и то, что их различает, также представляющее для нас исключительный интерес. Так, в «Сказании о Раме» герой в поисках похищенной супруги направляется на юго-восток. В поэме «Руслан и Людмила» герой «свой путь отважно продолжает на дальний север», в царство Черномора, где

Все мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли;
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
И дремлют в вечной тишине;
Кругом не видно дымной кровли,
Не видно путника в снегах

.....
Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом
И на краю седых небес
Качает обнаженный лес!¹³.

Но сад колдуна Черномора, находящийся за этими северными снежными горами,

Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь Тавриды¹⁴.

И здесь мы вновь должны обратиться к древнеиндийским, а точнее к индоиранским или арийским текстам. Оснований для этого сегодня более чем достаточно. Дело в том, что в последнее время ученые все чаще ставят вопрос о возможном существовании древней общности арьев и славян, которую отличали значительное языковое сходство и исключительная культурно-хозяйственная близость, сложившаяся в условиях их очень длительного совместного обитания¹⁵. О значительной близости славянской и ведической мифологии писали еще в XIX в. такие выдающиеся знатоки народной культуры, как А.Н. Афанасьев и Ф.И. Буслаев. Последний подчеркивал: «Как обломок доисторической старины, сказка содержит в себе древнейшие мифы, общие всем языкам индоевропейским, но эти мифы потеряли уже смысл в позднейших поколениях, обновленных различными историческими влияниями; поэтому сказка относительно позднейшего образца мыслей стала нелепостью, складкой, а не былью. Но в отношении сравнительного изучения индоевропейских народностей она предлагает материал для исследования того, как каждый из родственных народов усвоил себе общее мифологическое достояние»¹⁶.

Надо отметить, что в наибольшей чистоте и неприкосновенности древнейшие песни, сказки и былины Руси сохранились на Русском Севере. Здесь, по мнению многих исследователей, вплоть до наших дней сохраняются обряды, ритуалы, традиции, которые древнее не только древнегреческих, но даже тех, что зафиксированы в древнеарийских «книгах знаний» Ведах – самом древнем памятнике культуры всех индоевропейских народов¹⁷. За примерами, подтверждающими эту мысль, далеко ходить не надо. Так, В.Я. Пропп, говоря о работах выдающегося русского ученого И.И. Толстого, отмечал, что, анализируя один из античных сказочных сюжетов, И.И. Толстой привел в пример одиннадцать русских и две античные версии, учитывая и западноевропейский материал. При этом «исключительная сохранность именно русского материала дает право на ряд выводов относительно античных версий»¹⁸.

Что касается индоиранской или ведической традиции, то исследователь и переводчик на русский язык гимнов «Ригведы» Т.Я. Елизаренкова подчеркивает как «большую степень соответствия между ведическим и русским в силу лучшей сохранности в нем архаизмов, чем в западных языках», так и «большую близость русской (славянской) мифопоэтической традиции к индоиранской»¹⁹. Все сказанное выше имеет непосредственное отношение к первоисточнику «Руслана и Людмилы» А.С. Пушкина.

Напомним, что прекрасный, вечноцветущий сад Черномора находится за непроходимыми снежными вершинами на дальнем севере, куда из Киева устремился богатырь Руслан. Причем ехал он к этим северным горам очень долго. Богатыри выехали из Киева жарким летом, о чем свидетельствуют следующие строки поэмы:

.... доблестный Фарлаф.
Все утра сладко продремав,
Укрывшись от лучей полдневных
У ручейка, наедине,
Для подкрепленья сил душевных,
Обедал в мирной тишине²⁰.

Необходимость укрываться от «лучей полдневных» может появиться только в разгар лета. Руслан еще не достиг царства Черномора, а уже «желтеют нивы»:

С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певец пернатых заглушает;

Тяжелый, пасмурный туман
Нагие холмы оббивает;
Зима приблизилась²¹.

Однако Руслан

Свой путь отважно продолжает
На дальний север; с каждым днем
Преграды новые встречает;
То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном...²²

Наконец, добравшись до царства Черномора, богатырь вступает в бой с колдуном, который поднимает Руслана в небо. Что же видит герой, пролетая над этим северным краем? Они летят «над мрачными лесами, над дикими горами, над бездною морской».

Вернемся к древним индоиранским преданиям, в которых рассказывается о северной приполярной прародине арьев. О ней еще в 1903 г. писал в своей книге «Арктическая родина в Ведах» замечательный индийский ученый Б.Г. Тилак²³. Он долго и тщательно изучал древние предания, легенды, священные гимны, рожденные в глубинах тысячелетий далекими предками индоарьев и иранцев. Суммировав те странные явления, которые описаны в «священных книгах знаний», Б.Г. Тилак пришел к выводу, что родина предков индоиранцев, та территория, на которой рождались древнейшие гимны Ригведы и Авесты, находилась на севере Европы, где-то около Полярного круга. Среди феноменов этой прародины выделяется один, исключительно важный для нас: священные северные горы, за которыми на побережье Молочного (Белого) моря находится чудесный край. Вот что поведали о них древние предания: на далеком Севере протянулись с запада на восток непроходимые снежные горы. Вокруг их вершин свершает свой годовой путь солнце, над ними в темноте бесконечной зимней ночи сверкают семь звезд Большой Медведицы и расположенная в центре мироздания Полярная звезда. Солнце восходит и заходит здесь раз в году и делит его на непрерывную зимнюю ночь и непрерывный летний день. За этими горами, на берегах Молочного моря находится счастливая земля с теплым климатом, свободная от холодных ветров и рождающая обильные плоды. В рощах и лесах именно этой страны посещали Авеста, Ригведа и Махабхарата землю своих предков, место обитания богов и героев²⁴. Согласно преданиям, простым смертным не дано взойти на священные северные горы. Лишь самые смелые и мудрые – «вожди народа» – преступали этот предел и попадали в блаженную страну предков, берега которой омывали воды Молочного моря.

Они могли уйти в эту страну навеки. Если же они возвращались назад, в мир живых, то это были уже новые люди, отмеченные неземными, божественными качествами: силой, красотой, умом и т.д. В связи с этим обратим особое внимание на странный сон Людмилы – аналог смерти – и последующую смерть Руслана в поэме А.С. Пушкина. Перед нами по существу та же древняя идея ухода в мир вечности всех, кто оказался в чудесной северной стране. В данном случае и князь, и его юная супруга, пережив смерть и обретя новые качества, возвращаются в мир людей для новой жизни.

Действительно, в начале повествования, при описании битвы богатырей Руслана и Рогдая, А.С. Пушкин подчеркивает, что силы их равны:

Сразились витязи жестоко,
Сердца их гневом стеснены,
Уж копьё брошены далеко
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровию покрыты.

Щиты трещат, в куски разбиты...
Они схватились на конях;
Взрывая к небу черный прах.

.....
Их члены злобой сведены;
Переплелись и костенеют;

.....
Кому-то пасть...²⁵

По-другому обстоит дело после возвращения Руслана из мира мертвых. Он становится непобедимым, ему доступно то, что не может совершить целое войско. Вспомним: целый день бьются киевские дружины с осадившими город печенегами и не могут их разбить. И вдруг на следующее утро они видят:

...в поле меж врагами,
Блестя в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне
Грозой несется, колет, рубит,
В ревущий рог, летая, трубит...
То был Руслан. Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана...²⁶

Преображенный Руслан проявляет сверхчеловеческую, в некотором роде божественную сущность. Обретает он ее только после посещения далеких северных гор.

Еще раз вспомним, что в «Сказании о Раме» герой направляется на юг, который для индоарьев времени покорения п-ова Индостан ассоциировался со смертью, с палящим зноем и буйным тропическим лесом, населенным полудикими племенами. Это естественно, ведь, как отмечает Б.А. Смирнов, «"Сказание о Раме" – "итихаса", то есть былина»²⁷. Рассказывает она о продвижении арьев с севера на юг Индии, куда они пришли со своей восточноевропейской прародины не позднее середины II тыс. до н.э. Но принесенные с этой прародины древние гимны и предания сохранили память о священных северных горах, о Молочном (Белом) море, о холодном северо-восточном ветре смерти, о полугодовом дне и такой же ночи. В «Сказании о Раме» географические ориентиры и природные реалии уже изменены в связи с новым для индоарьев окружением. И только иногда мелькает память о далеком северном крае, об оставленной прародине – земле предков. Ведь именно оттуда, с находящейся на северо-западе Молочного (Белого) моря светозарной горы Шветы, приносит волшебную воду мудрец Вибхишана в древнеиндийском «Сказании о Раме». Но в «Руслане и Людмиле» молодой князь определенно едет именно на север, к светозарным северным горам древнеарийского эпоса.

Отметим также, что память о священной Чудо-горе в далекой Гиперборее (близ Кронийского океана), где растет яблоня Гесперид с золотыми яблоками вечной юности, у подножия которой, питая ее корни, бьет ключ живой воды – воды бессмертия, сохранилась и в древнегреческих мифах.

Что же связывает два текста, разделенных тысячелетиями? Все сказанное выше заставляет нас прийти к следующим выводам: поскольку нет никаких оснований считать «Сказание о Раме» первоисточником сюжета поэмы А.С. Пушкина, мы можем предположить только одно: и в основе древнеиндийской эпической поэмы, и в основе той сказки ли, предания ли, которым пользовался великий русский поэт, лежит некий изначальный общий протосюжет, сложившийся в глубочайшей древности и донесенный памятью народа до первой четверти XIX в.

О том, что материал, использованный А.С. Пушкиным, был вполне самостоятельным и сохраненным в восточнославянской традиции, свидетельствуют некоторые характерные детали, присутствующие в поэме. Так, средоточием могущества и залогом

непобедимости колдуна Черномора является его огромная борода. Вот что говорит о ней поэт:

В его чудесной бороде
Таится сила роковая,
И, все на свете презирая,
Доколе борода цела, —
Изменник не страшится зла...²⁸

Черномор успокаивает Наину словами:

Узнай чудесный жребий мой:
Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов ее седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит,
Малейших замыслов моих²⁹.

Нужно подчеркнуть, что такая связь бороды и силы, могущества, благоденствия, спасения была в древности характерна именно для индоевропейской мифологии. М.М. Маковский отмечает взаимосвязь слов «борода» и «бороться». Он же подчеркивает, что с бородой ассоциировались понятия «страстный» и «жадный». И наконец, «в индоевропейской мифологической традиции борода и подбородок считались детородными органами»³⁰. Живым бытованием этих древних общиндоевропейских представлений в русском обществе в начале XVIII в. можно объяснить столь бурную негативную реакцию подавляющего большинства мужчин на указ Петра I о запрещении ношения бороды. Бритье или срезание бороды воспринималось ими как сознательное превращение человека в калеку, мистическое лишение его жизненной силы, счастья, благоденствия и возможности иметь потомство.

Именно наличие сверхъестественно длинной бороды определяет (в контексте индоевропейской мифопоэтической традиции) неумную похотливость Черномора — «красавиц давнего похитителя». Но в сюжете поэмы «Руслан и Людмила», вероятно, есть некоторые утраты древнего мифологического осмысления событий. Так, когда Финн успокаивает Руслана тем, что «любовь седого колдуна» не страшна Людмиле по причине его старческой немощи, то такое объяснение отрицается самим наличием у Черномора огромной бороды. Вероятно, ближе к мифологической традиции все-таки объяснение «Рамаяны», где говорится о заклятии, запрещающем под страхом смерти акт насилия над женщиной.

Правда, образ бородатого карлика в «Сказании о Раме» отсутствует, а Равана больше напоминает многоглавого огненного змея русского эпоса, сказок и быличек. Но зато «старичок сам с ноготок, борода с локоток», обладающий сверхъестественной силой и чудовищной прозорливостью, хорошо знаком русским народным сказкам. Волшебник Черномор — персонаж явно русской народной мифопоэтической традиции и мог прийти в поэму А.С. Пушкина только из волшебной сказки, в которую в свою очередь попал либо из мифа, либо из эпоса. Стоит отметить, что в поэме встречаются и такие детали, которые заставляют внимательнее относиться к следующим строкам:

Монах, который сохранил
Потомству верное преданье
О славном витязе моем...³¹

Вполне возможно, А.С. Пушкин действительно имел дело с каким-то списком старого преданья, а их было не так уж мало и в севернорусских монастырях, и в старообрядческой среде. О возможности существования такого источника свидетельствует

географическая и временная точность в сюжетной канве поэмы. Так, если Руслан выехал из Киева летом, в июле, и направлялся все время на север, то при обычном дневном конном переходе он к октябрю (времени, когда на севере ложится снег) мог проехать более двух тысяч верст. При северо-восточной ориентации наш герой в таком случае попадал на Приполярный Урал и к берегам Карского моря. Мы останавливаем внимание на этом обстоятельстве по следующим причинам: во-первых, Приполярный Урал входит в ту цепь северных священных гор, о которых рассказывали древние индоиранские предания; во-вторых, Карское море в арабских и персидских средневековых источниках постоянно именуется «Смоляным», т.е. «Черным»; в-третьих, именно в Карском море формируется тот суровый северо-восточный ветер, который древние греки называли Бореом, а индоарьи – Ваю³². Особо подчеркнем, что Черномор «Руслана и Людмилы» прилетает с севера, с северных гор, что он связан с миром мертвых. Такая четкая ориентация путешествия Руслана и во времени, и в пространстве указывает на то, что источником здесь был не только сказочный сюжет.

Подтверждение тому – такой архаический материал, как русские народные заговоры, пришедшие из глубокой древности и очень мало меняющиеся во времени. Так, в середине XIX в. во Владимирской губ. был зафиксирован заговор «на присуху девицы», в котором произносящий его шел к «Черному морю», к жене царя Ирода и двенадцати трясовицам-лихорадам³³. В начале XX в. в Шенкурском у. Архангельской губ. священником К.И. Боголеповым был записан следующий «отворотный» заговор «на разлучение мужа и жены»: «Стану, не благословясь, пойду не перекрестясь – из избы не дверями, из двора не воротами, собачьими дырами, тораканьими тропами, не в чистое поле и не в восточную сторону, а в темный лес. В темном лесе есть Черное море, в Черном море есть плавают Черт да Чертуха...»³⁴.

Таким образом, в памяти народа образ «Черного моря» еще в начале XX в. продолжал ассоциироваться с темными силами, черной магией и в конечном итоге со смертью. Заметим, что к реальному географическому объекту, носившему вплоть до конца XVIII в. название «Чермное» (т.е. Красное) или «Русское» море, «Черное море» заговоров никакого отношения не имеет³⁵.

Судя по всему, подтверждается высказанное нами предположение: в основе поэмы «Руслан и Людмила» лежит какой-то очень древний сюжет, единый как для восточнославянской, так и для индоиранской мифопоэтической традиции.

О том месте, которое отводил в своем творчестве А.С. Пушкин поэме «Руслан и Людмила», свидетельствует хотя бы тот факт, что в одной из первых строф романа «Евгений Онегин» поэт обращается к читателям именно как к друзьям «Людмилы и Руслана». Он возвращается к своей первой поэме через восемь лет, в 1828 г., и во втором издании вносит в текст некоторые изменения. В частности, поэт вводит вступление «У лукоморья дуб зеленый...», которое свидетельствует о том, что помимо русских народных сказок А.С. Пушкин обратился и к заговорам:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том;
И днем и ночью кот ученый,
Все ходит по цепи кругом...³⁶

В середине и второй половине XIX в. в различных губерниях Центральной и Северо-Западной России можно было услышать заговоры, начинавшиеся такими словами: «На море на Окиане, на острове Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет...», или «на море Океане, на острове Кургане стоит сыр дуб...», или «...у этого Окиана моря стоит древо карколист...» и т.д.³⁷ Г. Попов опубликовал в 1903 г. следующий текст, записанный в Орловском у. Орловской губ.: «На море, на океане, на острове Буяне, растет дубище, на дубище – сучище, на сучище сидит котище...»³⁸. В то же время в Петрозаводском у. Олонецкой губ. Н. Виноградов зафиксировал такой зачин заговора: «На море на Окияне, на острове Буяне стоит крута гора Сион-матушка, на крутой

горе растет дуб-стародуб, под тем дубом-стародубом лежит цепь железная, обвита вокруг дуба...»³⁹. То, как давно сложились подобные формулы, можно только предполагать. Например, в 1647 г. под пыткой некая Агафья сообщила заговор – «кильный стих», начинавшийся словами:

На море Окияне, на острове Буяне
Стоит сыр дуб крепковист...⁴⁰

Таким образом, очевидно, что между заговорами, используемыми русскими крестьянами на просторах от южной Орловской до северной Олонецкой губерний в начале XX в., и заговором середины XVII в. практически нет разницы. А из этого следует, что такие же тексты широко бытовали в России на протяжении XVIII–XIX вв. Трудно представить себе ситуацию, при которой человек, настолько глубоко и серьезно воспринимающий все элементы народной культуры, как А.С. Пушкин, обошел бы своим вниманием этот ее интереснейший, загадочный архаический пласт. Закономерен вопрос: а бытовали ли в первой четверти XIX в. такие заговоры в крестьянской среде не только в отдаленных от Санкт-Петербурга Орловской и Олонецкой губерниях, но и в близкой к нему Псковской, где находилось родовое имение А.С. Пушкина? Ответ может быть только утвердительным. Даже в 1997 г. (!) экспедицией фольклористов под руководством А.М. Мехнецова в Псковской обл. были получены многочисленные свидетельства сохранения архаичных обрядов, ритуалов, песенных текстов и заговоров. Таковы заговоры, записанные И.Б. Тепловой в д. Полна Полновской вол. от 60-летней Н.И. Карасевой, искренне верящей в действительность следующих слов:

Выходила в чисто поле.
В чистом поле стоит столп с земли до неба,
В этом синем, красном, белом столбе
Выходило двенадцать простопоющих, пологрудых сестриц,
Шел Иисус Христос с апостольской церкви,
Ему навстречу двенадцать простоволосых, простопоющих, пологрудых сестриц.
Иисус Христос спросил:
– Сестрицы, сестрицы, куда вы бежите?
– В мир и мир сушить.
– Вы мира не сушите, сами сохните...

Далее в заговоре Иисус Христос позвал архиреев и приказал им поймать «двенадцать простопоющих, простоволосых, пологрудых сестриц» и отправить их

... за пески сыпучие, за ключи кипучие,
Где петухи не поют, куры не кокочут,
Человеческого голоса не слышно,
Там столы дубовы, скатерти браны,
Яства сахарны, питье пьяно,
Там им есть, пить, почевать,
Темну ночь ночевать⁴¹.

Сравним с ними текст заговора, опубликованного П.С. Ефименко в 1878 г. Заговор взят из старинной рукописи, доставленной с Ужострова Холмогорского у. Архангельской губ. помощником миссионера Батраковым. Он называется «Списком о трясовицах» (лихорадках) и наговаривался на крещенскую воду: «В пречистом святом Окияне море стоит столб, на том столбе камень, а на том камени святой отец Сисиний, и узре на море видение: возмутися вода до облак, изыдоша из моря 12 девок простоволосых и беспоясных, и видение их диавольское. И спросит у них святой отец Сисиний: "Что вы за девы?" Они отвечают ему, окаянные диаволе: "Мы есть трясовицы...". И рече им отец Сисиний: "Почто вы пришли и куда идете?" Они же реша: "Из рода христианского людей мучити..."»⁴².

Имеется и другой вариант заговора, записанный в Зарайском у. Рязанской губ. в начале XX в. Г. Поповым: «Тетки, лихоманки, вас 12 сестер, идольных дочерей, отстаньте от раба Божия (имя)... будет вам его трясти и трепать... вас пошлют по пням, лугам, по болотам, по колодам, где человеческого голоса не слышать...»⁴³. И наконец, часть заговора, записанного В. Далем: «...для чего-де выходят из моря Окиана женщины простоволосые, для чего они по миру ходят, отбивают ото сна, от еды, сосут кровь, тянут жилье... Здесь вам не житье, не жилище, не прохладнице; ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстрые реки и темны боры: там для вас кровати поставлены тесовые, перины пуховые, подушки пересные; там яства сахарные, напитки медовые; там будет вам житье, жилище, прохладнице...»⁴⁴.

И здесь весьма актуальными представляются слова Г. Попова, сказанные им еще в 1903 г. в связи с русскими народными заговорами: «В приемах этих поражает их ритуальная разработанность. Нам кажется, что это обстоятельство имеет существенное и немаловажное значение: все то, что существует не в виде лишь общей неопределенной идеи и представления, а выражается в тщательно выполняемых и сохраняемых мелочах, то всегда бывает внедрено и связано с жизнью, как отдельного лица, так и целого народа самым тесным и органическим образом, и не скоро, и не легко может быть утрачено»⁴⁵. Говоря о мировоззрении народа, он продолжал далее: «Геряясь своим началом в отдаленнейших временах, оно прошло неизменным через века истории и, в своих существенных чертах, остается и до наших дней все таким же, каким было много сотен лет тому назад. Говорят иногда о быстрой эволюции народных представлений и понятий. Бесспорно, известная степень такой эволюции существует, но едва ли она не касается только самых внешних и поверхностных форм и проявлений народной жизни»⁴⁶.

И действительно, если даже в последнем десятилетии XX в. не утрачены многие архаичные черты русской народной культуры, то что же говорить о самом начале XIX в., когда творил А.С. Пушкин и когда эти традиции были богатыми и полнокровными. Тем более на Псковской земле, о которой через полтысячелетия после принятия христианства на Руси писал игумен Елизарова монастыря Памфил, осуждая псковичей за празднование Купальской ночи: «Мало не весь град возьмется, и в селах возбесятся, в бубны и сопели и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотониньскими, плесканием и плесанием, женам же и девам и главам наживание и устам их неприятен клич, всескверныя песни бесовьския и хрептом их вихляния, и ногам скакания и топтанья»⁴⁷.

Эти же факты отмечены и в книге Н.М. Гальковского, «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси», вышедшей в свет в 1916 г. Но и в конце XX в., судя по экспедиционным материалам, все те же песни и пляски поют и пляшут на Псковщине, встречая Иванов день. И если столь ярка и многообразна традиционная народная культура псковичей сегодня, то нам даже трудно представить себе, какова она была в пушкинское время. Сказки, предания, былички, обряды, песни, пляски, заговоры окружали поэта, и он вдыхал их как воздух. В.Я. Пропп подчеркивал: «В истории русской художественной культуры Пушкин был первым человеком, который от простой крестьянки стал записывать сказки с полным пониманием всей красоты народной сказки»⁴⁸. Следует отметить, что А.С. Пушкин воспринял не только красоту художественной формы народных сказок, но и ту их глубинную сущность, то порой непонятное и таинственное в их образном строе, что он бережно сохранял и передавал в своих поэтических сказках. Поэтому зачастую мы встречаем в них такие образы, ситуации, символы, которые требуют специального анализа и расшифровки уже на уровне современных данных науки. Проведенный выше анализ сюжета и некоторых деталей поэмы «Руслан и Людмила» приводит к мысли о наличии в пушкинских сказочных текстах других аналогов древних индоиранских мифологических сюжетов, на основе которых возможна расшифровка поэм-сказок А.С. Пушкина.

Примечания

- ¹ Пушкин А.С. Руслан и Людмила (Поэма) // Пушкин А.С. Соч. в 3 т. Т. 2. М., 1964. С. 7–8.
- ² Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 71.
- ³ Пушкин А.С. Сказка о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и прекрасной царевне Лебеди // Пушкин А.С. Соч. в 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 619.
- ⁴ Махабхарата. Вып. 3. Ашхабад, 1985. С. 23.
- ⁵ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 14–15.
- ⁶ Махабхарата. С. 154.
- ⁷ Там же. С. 145–147; Махабхарата. Лесная. М., 1987. С. 546–548.
- ⁸ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 71.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Махабхарата. С. 155–156.
- ¹¹ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 71.
- ¹² Гусева Н.Р. Индия в зеркале веков. М., 1994. С. 315.
- ¹³ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 28.
- ¹⁴ Там же. С. 28.
- ¹⁵ Гусева Н.Р. Индуизм. М., 1977; Древность: Арьи. Славяне. М., 1996; Кто они и откуда? Древнейшие связи славян и арьев. М., 1998.
- ¹⁶ Буслаев Ф.И. Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 310.
- ¹⁷ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. М., 1963. С. 98; Белецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 11.
- ¹⁸ Пропп В.Я. Русская сказка. С. 165–166.
- ¹⁹ Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 543.
- ²⁰ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 22.
- ²¹ Там же. С. 50.
- ²² Там же. С. 50.
- ²³ Tilak B.G. The Arctic Home in the Vedas. Poona, 1956; Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах (перевод фрагментов Н.Р. Гусевой) // Кто они и откуда? Древнейшие связи славян и арьев. С. 159–194.
- ²⁴ Жарникова С.В. К вопросу о возможной локализации священных гор Меру и Хары индоиранской (арийской) мифологии // Информ. бюл. Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (ЮНЕСКО). 1986. Вып. 11. С. 31–44.
- ²⁵ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 32–33.
- ²⁶ Там же. С. 73.
- ²⁷ Махабхарата. С. 17.
- ²⁸ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 43.
- ²⁹ Там же. С. 35.
- ³⁰ Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. М; Л., 1989. С. 41–43.
- ³¹ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 58.
- ³² Жарникова С.В. Указ. раб. С. 31–44.
- ³³ Русские заговоры, М., 1993. С. 110.
- ³⁴ Там же. С. 126.
- ³⁵ Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопр. истории. 1974. № 11. С. 68.
- ³⁶ Пушкин А.С. Руслан и Людмила. С. 7.
- ³⁷ Русские заговоры. С. 74, 80, 81.
- ³⁸ Там же. С. 65.
- ³⁹ Там же. С. 84.
- ⁴⁰ Там же. С. 300.
- ⁴¹ Фонд С.-Петербургского фольклорно-этнографического центра МК РФ. 1998 г.
- ⁴² Русские заговоры. С. 75.
- ⁴³ Там же. С. 74.
- ⁴⁴ Там же. С. 4.
- ⁴⁵ Там же. С. 262–263.
- ⁴⁶ Там же. С. 263.
- ⁴⁷ Калининский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877. С. 411.
- ⁴⁸ Пропп В.Я. Русская сказка. С. 68–69.

The article's author compares some plot episodes and description techniques found in A.S. Pushkin's poem «Ruslan and Lyudmila» and in the Old-Indian epos «Ramayana». Her conclusion is that the poem «Ruslan and Lyudmila» is based on a very ancient single plot common to the Eastern-Slavic and Indo-Iranian mytho-poetical tradition.

© 2000 г., ЭО, № 2

М.Я. Мельц

ПЕСНИ И РОМАНСЫ НА СТИХИ А.С. ПУШКИНА В ЛУБОЧНЫХ КАРТИНКАХ

В конце XVII – начале XVIII в. в России одновременно появились народные рисованные картинки двух видов: 1) светские, иллюстрирующие сюжеты о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче, Иване-царевиче и Елене прекрасной; 2) религиозного содержания, которые у бедного сословия становились своего рода дешевыми иконами, заменявшими дорогие, писанные на дереве. Гравюры быстро получили широкое распространение во всех классах общества (в ранний период своего развития они были даже достоянием царских дворцов) и постепенно прочно вошли в традиционный быт, сделавшись неотъемлемой принадлежностью повседневной жизни. До середины прошлого столетия рисованные листы имели широкое распространение среди мелкого дворянства¹ и в городском мещанском быту, составляли необходимую принадлежность постоянных дворов и почтовых станций². Гораздо реже они встречались в селах и деревнях.

После отмены крепостного права под воздействием появившихся новых форм городского фольклора гравированный лубок понемногу стал терять свои позиции в крупных населенных пунктах (хотя продолжал выпускаться в Москве) и оттесняться в деревню и провинциальное захолустье, где проживало население с другим культурным уровнем³. Благодаря резкому расширению рынка сбыта необычайно возросли количество и тираж рисованной продукции, что заставило Государственную Думу вновь специально заняться проблемой цензурирования массовых иллюстрированных изданий. Департамент закона в ответе на запрос сослался на трудности в решении данного вопроса, ибо «повсеместное употребление так называемых лубочных картинок, коих продажа по городам и деревням представляет особый род промышленности, глубоко внедрилась в нравы русского народа»⁴. Действительно, в мало-мальски зажиточной сельской избе картинки стали занимать почетное место в красном углу, ими украшали некоторые предметы обихода – например, дверцы шкафов, внутренние стороны крышек сундуков и т.д.

Н.А. Некрасов, запечатлевший в своих произведениях пореформенную деревню, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» рассказал о популярности красочных листов, «гуляющих» по ярмаркам, «Покамест не пристроятся / В крестьянской летней горенке / На невысокой стеночке»⁵. Там же поведана трогательная история Якима Нагого – «одного из первых коллекционеров эстампов», по определению Н.В. Кузьмина⁶: «С ним случай был: картиночек / Он сыну накупил / Развесил их по стеночкам / И сам не меньше мальчика / Любил на них глядеть». При случившемся пожаре Яким бросился спасать не припрятанные деньги, «А он сперва картиночки / Стал со стены срывать». В восстановленном доме были развешаны не только спасенные листы, но и прикупленные новые⁷.